

ВСТРЕЧА С ТАЛАНТОМ

*Желать счастья легко —
дать трудно.
И взять трудно.*

В книге М. Батчаева «Быть человеком» пять рассказов, одиннадцать новелл-миниатюр и одна небольшая повесть. Посвящена книга Кайсыну Кулиеву — «поэту, побуждающему быть человеком». Эпиграфом автор взял строки Е. Винокурова:

Двадцатый век! Бродивших по
дорогам
Среди пожаров к мысли привело:
Легко быть зверем и легко быть
богом,
Быть человеком — это тяжело!

В чем смысл жизни? Что такое счастье? Что значит быть человеком? Сколько веков бьются над этими «вечными вопросами» философы, поэты, художники... И всегда люди будут с трепетом и благодарностью смотреть фильмы, заучивать стихи, перечитывать романы, в которых есть эти проблемы: ни хлебом единым жив человек.

Перед нами небольшая книжка, квадратик в сто страниц. На обложке — горы и солнце. И два слова — «Быть человеком».

Молодой писатель маленького народа. Что скажет он тебе?

Первый рассказ — милая шутка о том, как мудрый старик проучил дерзкого юнца. Мораль этой притчи: «старички хитры, знают многое, их трудно сразу понять — их надо просто уважать. Так принято у нас на Кавказе!..»

Второй рассказ «Серебряный дед» тоже небольшой, и мысль его та же: старших нужно уважать. Но как не похож он на озорную шутку-прибаутку, это уже целая поэма: так много сумел рассказать в нем писатель о людях. Собственно, на глазах у читателя сложился характер героя, от лица которого ведется рассказ. Счастливое босоное детство, когда, пожалуй, единственной заботой было жела-

ние превзойти силой и ловкостью своих товарищей и заслужить похвалу всеми уважаемого в ауле старика, прозванного Серебряным дедом, а самая большая беда — если олени рога (приносящие счастье, по утверждению старика) получит твой соперник, уложивший тебя на лопатки. С удивительно точным знанием детской психологии автор показывает, как маленький завистник похитил ночью эти рога из дома деда и бросил их в реку — пусть не достанутся они сопернику! А утром в аул пришла недобрая весть — началась война, и в это утро кончилось детство мальчишки: он решил, что именно он виноват в том, что пришла беда (один за другим погибли сыновья Серебряного деда, все трое): он бросил олени рога в воду, погубил счастье. Страшная тяжесть на «душе ребенка. Люди же — о чудо! — решили скрыть от старика весть о смерти сыновей. Хмурый горбун Ибрагим прятал на своей груди похоронные, а старику писал своей рукою письма от сыновей — пусть думает, что они живы. Но самое интересное: старик случайно узнал правду, но, благодарный людям, молчал об этом. И только перед смертью он сказал Ибрагиму, этому обиженному судьбою человеку, хотевшему «осветлить последние минуты жизни другого»: «Душа моя, спасибо. Я все знаю... не пойму только, какую вину искупаем мы смертью сыновей... Кто виноват? Зачем война?» И когда мальчик, присутствовавший при этом, закричал: «Это я бросил рога в воду», умирающий старик нашел в себе силы сказать несчастному мальчугану: «Прощай, сынок... Ты очень сильный. Ты добежишь скорее всех. Беги ко мне, как только она (война) закончится. Крикни у моего камня — кончилась...» И он прибежал и крикнул. «Спи спокойно, дорогой мне человек — Серебряный дед», — так кончается рассказ.

Следующий рассказ «Белая скала» — тоже о войне, но главное в нем — опять раздумье о человеке. В аул пришли изнуренные чужие люди, их преследовала смерть: они были евреи.

Шестерых больных детей аульчане оставили у себя, остальных повели в горы — спрятать. А вскоре пришли немцы... Одноглазому пастуху, родом из этого аула, люди с автоматами показали рисунок, объясняющий, что они требуют провести их к Белой скале. И он привел их к Белой скале. И только тут понял, что стал невольным предателем. Тогда он ушел из жизни, но ушел тем единственным путем, который был возможен, чтобы остаться Человеком: пастух схватил немца, «приставившего пистолет к уху одной из женщин, и швырнул его в бездну... Но не этот момент — кульминация рассказа. Фашисты нашли еврейских детей. Человек в белом халате наклонялся к детям, трепал их по головкам, мазал чем-то зеленым детские рты, дети не плакали, не кричали — падали на траву и больше не двигались (своеобразный гуманизм...). Когда упал последний, шестой, в толпе аульчан, на глазах у которых все происходило, вдруг раздался крик — и женщина упала без чувств. Это была Мариам. В ее доме, она это знала, остался еврейский мальчик, очень похожий на Османчика, а Османчик, ее сын и сын пастуха, только что упал мертвым. Нельзя не преклониться перед величию души этой простой женщины, спасшей чужого ребенка ценою жизни своего. Но автор открывает еще одну грань этого героического характера: Мариам знала, что кроме проводника, только пастух, ее муж, знал дорогу к Белой скале, значит, это он выдал убийцам гостей. И она сказала об этом людям и поклялась вырастить еврейского мальчика настоящим мужчиной: «В нем наша честь».

И так в каждом рассказе, в каждой миниатюре — какая-то новая грань человеческого характера, подчас неожиданная.

Насыщенный мыслями лаконизм — одна из особенностей стиля молодого писателя. Стремлением М. Батчаева к философским раздумьям объясняется то, что многим образам присуща обобщенность, и вместе с тем поражает удивительной теплоте

книги. В ней не отвлеченное философствование, а размышления, рожденные из непосредственных переживаний самого автора. Его герои — живые люди. Пусть немного идеализированные и приподнятые (таково уж мироощущение писателя: зачем останавливаться на мелочах, когда важно главное в человеке), но героя эти имеют право на «идеализацию». Лирический герой М. Батчаева — очень близкий автору по характеру человек. Но это не Печорин, анализирующий малейшие оттенки своих переживаний. Он, собственно, растворяется в массе других персонажей. В книге возникает образ народа во всем его неповторимом национальном очаровании, народа маленького, но сильного и красивого, страстного и сдержанного в проявлении своих чувств. Поистине с лермонтовской силой автор создает образ бесконечно любимой им родины, о которой он говорит немногословно, но подкупающе искренне. Вот строки из повести «Когда осуждают предки...»: «Полюбить жизнь, живя в моем маленьком ауле, кажется, невозможно. Слишком тихо здесь и однообразно... Аул наш — в ясной, как ладошка, долине, на которой все изведано, все обнюхано и никем ничего интересного не найдено. А вокруг аула лес и горы, горы и лес. Я удивляюсь, когда нашими краями восторгаются приезжие туристы или больные... А мне надоело все на сто верст во все стороны... Может быть, надо очутиться где-нибудь далеко-далеко, чтобы понять и оценить красоту своей земли?..» Что это? Размышления семнадцатилетнего юноши? Да. Что это? Нелюбовь к месту, где вырос? Нет. Вспомним, с какой любовью в рассказе «Серебряный дед» описаны детские впечатления героя, оставшиеся в нем на всю жизнь: «Мельница была обыкновенной мельницей..., но мне она казалась такой же таинственной, как сказочная избушка старой Бабы-Яги. Сам мельник тоже был для меня волшебником, пришедшим из сказки. Весь убеленный прожитыми годами и густой мельничной пылью, он казался

отлитым из серебра». Разве может человек не любить родину, если она уже вошла в его сердце раз и навсегда?.. Детство детством, но у юности свои права. И первое из них — право утолить жажду познания всего огромного мира, в котором юноша впервые осознал себя человеком. Даже некоторые из стариков понимают это: умудренный жизнью и годами сторож Мунир одобряет желание Баграда, героя повести «Когда осуждают предки...», уехать в город учиться в техникуме: «Окунись в большой мир... Мясо, что сварилось в маленьком котле, может оказаться сырым. Слава создателю, ты мужчина, а у мужчин дорог много... на нас не смотри... теперь в нашей жизни вечер, а вечером в дороге не выйдешь. С утра надо — езжай не оглядываясь...» Мудрый совет. Но бабушка Баграда, ни разу не вздевшая города, рассудила иначе и не отпустила внука из аула: «... и аул и город могут одинаково научить быть человеком — сумей только учиться...» Кто же прав из двух уважаемых стариков? Баград зачинает думать, в душе его назревает протест. Жизнь потеряла для юноши прежний интерес. И вдруг — он вновь сочувствовал себя человеком, любящим жизнь: «в ауле появилась хорошая девушка — Ирма. И М. Батчаев вновь возвращается к основной своей теме — что значат быть Человеком,— рассказывая о любви, любви прекрасной и... трагической. Этот трагический аккорд, которым завершается книга, еще больше усиливает протест, зазвучавший в начале повести «Когда осуждают предки...», и углубляет замысел всей книги М. Батчаева, делает ее более актуальной и значимой.

Война позади. Человек выстоял. Человек победил. Победа досталась дорого: в сердце не одна рана. Но солнце светит. Дети становятся взрослыми. Они смеются. Они любят. Откуда же трагедии? Зачем они?

Но вернемся к повести. Баград полюбил. Автор психологически тонко передает радости и горести первой юношеской любви. Юноша любит молча

и, как ему кажется, безответно. Счастлив он, когда узнает, что Ирма любит его, а не его брата Мазана. Как ценит он великодушие брата, ушедшего с пути, чтобы не мешать любимой им, но любящей Баграда девушке. Но трагедия впереди. Бабушка, его любимая бабушка, даже представить себе не может, чтобы ее внук связал свою судьбу с русской девушкой: «...как я смогу качать на коленях твоего сына, рожденного женщиной другой веры!?» И юноша оказывается в невыносимо тяжелом положении между любовью к женщине и уважением и любовью к бабушке, воспитавшей его, заменившей ему родителей. И здесь автор вновь возвращается к той теме, которая зазвучала уже в рассказе «Белая скала». Вспомним Мариам. Когда эта женщина ценою жизни своего сына спасает чужого ребенка, в ней сильнее всего чувство национальной и человеческой чести: отец ее ребенка оказался невольным предателем, пусть не доживет сын до того дня, когда осознает это. В рассказе «Двое» Мугаталим, человек, не справившийся со страхом и ставший дезертиром, не может пережить угрызений совести и кончает жизнь самоубийством. Сначала он хотел вернуться к людям, искупить свой позор. Но его остановила мысль: «Мудро сказано древними, позор — длиннее жизни, он проклятым бременем ляжет на плечи детей. Хорошо, очень хорошо, что у него нет детей — кровь его скверная течет только в нем самом» — последняя мысль самоубийцы.

Бабушка Баграда — та же Мариам: во имя чувства национальной чести, которое так сильно развито у этого народа, она готова принести в жертву самое дорогое — счастье своего любимого внука.

Правы ли древние, чью мудрость так свято чтут? В первом рассказе слова «старших трудно понять, их надо просто уважать» звучат как аксиома. Действительно, можно восхищаться суровостью людей в отношении себя, их умением «наступить на горло» собственным чувствам. Но невольно возникают

сомнения в справедливости этой суровости: не перерастает ли она в неоправданную жестокость? Не изменилось ли понятие гуманизма с течением времени? Должны ли дети отвечать за ошибки отцов?

В повести «Когда осуждают предки...» это сомнение перерастает в протест: протестует герой, протестует читатель, протестует автор, протестует продуманно, бескомпромиссно, страстно. Какую большую душу надо иметь, чтобы, любя свой народ, говорить о предрассудках правду. Конец повести не так прост, как покажется на первый взгляд. Повесть кончается бунтарским внутренним монологом героя: «Да, милая бабушка, мы должны любить. Мы родились не умирать, а любить... Может быть, разной, особой любовью, но я буду любить и тебя, моя бабушка, и Мунира, и толстяка Нория, и всех и все... Я буду любить и ту, кого люблю. И я найду ее. Я буду с ней... И не осудят меня за измену предки мои и потомки мои». Сильные слова, в них искреннее чувство, владеющее героем в этот момент. Но еще сильнее сцена, которую никогда не забудет ни читатель, ни герой: «Сын моего сына! — говорит она (бабушка) протяжно,— слышала я, как ты слышишь сейчас ушами, что шайтан обратил твой взгляд и душу на русскую девушку. Глазами можно, но сердцем смотреть на женщину мужчина не должен, если не собирается ввести ее в дом. А если ты хочешь сделать ее нашей снохой, как я смогу качать на коленях твоего сына, рожденного женщиной другой веры!?!— Бабушка, не торопясь, расстегнула все крючки на платье от подбородка к поясу, до самых сосков обнажила давно опорожненные сумочки груди, бережно приподняла их ладонями, затем, так же не торопясь, их спрятала и сняла с белой, как снег, головы шаль:

— Молоком из этой груди, вошедшей в тебя с кровью моего сына, прошу: не позорь вот эти седины... Я сказала плохо, ты пойми хорошо, аллах да вразумит заблудшихся...»

Так как же Баград сумеет

соединить без боли эти две свои любви, не принеся в жертву какую-нибудь из них?

В рассказе «Когда тает снег» отец проклял сына за то, что тот послушался его, пошел своим путем. Ни уговоры жены и соседей, ни просьбы сына не образумили этого по-своему страдающего человека. Только смерть жены немного смягчила его сердце. Но жизнь прожита, счастье погублено собственными руками. Вот почему оптимизм финала повести «Когда осуждают предки...», если можно так выразиться, «перспективный» оптимизм, несколько не уменьшает трагизма происшедшего. И все же автор увидел единственный «человеческий» выход из этого не разрешимого пока еще противоречия. Ирма чутьем любящего сердца сумела найти этот выход: она уезжает. Но не просто уезжает: она пытается снять часть тяжести с сердца любимого человека, она оставляет ему письмо, в котором объясняет свой отъезд. Она пишет Баграду, что его тетя сказала ей: «Пусть лучше две змеи обовьют мою шею, чем его твои руки». Это и объяснило Ирме, девушке, воспитанной по иным законам, самое трудное: почему Баград боялся любить ее.

Вряд ли Баград найдет Ирму. Разве только смерть бабушки может изменить что-либо. Облегченных решений нет. Автор бескомпромиссен: человеком быть трудно. Но в любых ситуациях человек может быть Человеком, потому что он должен им быть. В повести М. Батчаева таким человеком оказалась русская девушка. Она не разбила сердца старой женщины, она помогла любимому остаться Человеком и сумела... быть счастливой.

В этом преклонении перед величием души Человека сила и обаяние молодого писателя: все, о чем он говорит, проникает в душу: ранит ее и ободряет. А без этого нет писателя.

Читать Батчаева легко, речь его льется свободно, как песня, образ рождает образ, одна живая картина

сменяет другую, люди приходят и уходят, оставляя о себе память в сердце, даже если они говорили с вами всего несколько минут (например, Мазан, обычный мальчишка, аульный дон-жуан, у которого «о любви кричат глаза» при виде каждой хорошенькой девушки, вдруг вырастает на наших глазах).

Вы помните необычайно образную речь сдержанного, своеобразного народа, вы не можете не уважать его.

Правда, диссонансом в книге звучит то место в повести «Когда осуждают предки...», где описана единственная ночь счастья любящих; подчеркнутая натуралистичность не только не соответствует приподнято-эпическому стилю, свойственному писателю, но несколько заземляет поэтичность повести своею нарочитостью. В остальном — единство романтической приподнятости стиля, психологической правдивости и философской глубины.

Бесспорно, мы имеем дело с талантом. А это всегда большая радость — встреча с талантом.

Л. АНОХИНА.